

Воспоминанія о Преосвященномъ Виссаріонѣ.

Преосвященный Виссаріонъ, въ мірѣ Василій Петровичъ Нечаевъ, родился 15 марта 1823 г. въ Тульской епархіи. По окончаніи курса ученія въ мѣстной семинаріи, въ 1844 г. былъ посланъ въ Москов. д. академію и былъ принятъ въ число студентовъ ея однимъ изъ лучшихъ. Въ томъ же году поступилъ въ академію и пишущій эти строки. Въ то время въ академіи было два курса—младшій и старшій, и въ каждомъ изъ нихъ студенты обучались по два года. Студенты младшаго курса помѣщались въ номерахъ нижняго этажа т. н. „бакалаврскаго“ корпуса, въ верхнемъ же этажѣ этого корпуса помѣщались обыкновенно монашескуюшіе, бакалавры и инспекторъ академіи. Василій П. былъ помѣщенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ, въ одномъ изъ первыхъ номеровъ, назначенныхъ для студентовъ младшаго курса, а потому эти номера назывались обычно „аюнами“. Пріѣхавшіе изъ разныхъ семинарій, студенты близко знакомились обычно со своими земляками и съ тѣми, которые помѣщались въ одномъ и томъ же номерѣ, а такъ какъ я былъ помѣщенъ въ № 16-мъ, вдали отъ „аюновъ“, то мало былъ знакомъ съ Василюмъ П. Встрѣчался съ нимъ на занятіяхъ, но не знакомился съ нимъ близко. Случай заставилъ Василю П. обратить вниманіе на меня. Объ этомъ случаѣ разсказалъ онъ уже бывши епископомъ Костромскимъ, при празднованіи моего 50-лѣтняго юбилея. Профессоръ математики былъ у насъ знаменитый прот. Петръ Спир. Делицынъ, по такъ какъ математикою студенты академіи очень мало занимались, то обычно не слушали профессора, а занимались чѣмъ нибудь другимъ—или читали, или что-нибудь писали на заднихъ скамьяхъ. Я былъ въ числѣ немногихъ, занимавшихся математикою, и сядилъ ближе къ профессору. Однажды Петръ Спиридоновичъ, доказывая какую-то теорему алгебраическими числами, ошибся въ одномъ выводѣ; я это замѣтилъ. Исписавъ всю доску и приходя къ послѣднему выводу, онъ увидѣлъ, что выводъ этотъ не вѣренъ; онъ остановился, сталъ, конечно, досадовать на себя, какъ это у него не выходитъ того, чего онъ добивался. Молчаніе профессора заставило студентовъ обратить на него вниманіе. Чтобы вывести его изъ затрудненія, я поднялся и указалъ ему ошибку въ одной изъ среднихъ строкъ алгебраическихъ выводовъ. Петръ Спиридоновичъ поблагодарилъ меня. Студенты подивились, разсказывалъ преосвященный, что я слушаю такую скучную лекцію, да еще замѣтилъ ошибку профессора. Ближе я узналъ Василю П., когда мы были уже на старшемъ курсѣ. Въ это время у насъ въ академіи была довольно значительная перемѣна. Спальни были отдѣлены отъ занятыхъ комнатъ, студенты старшаго курса помѣщались въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса академіи, называемаго „чер-

тогами“. Студенты занимались въ трехъ среднихъ номерахъ, по
 прежнему счету 3, 4 и 5, подъ квартирой ректора академіи.
 Я помещень былъ въ среднемъ 4-мъ №; со мной находился
 знаменитый студентъ нашего курса Никита Перт. Гиляровъ-Плато-
 новъ, впоследствии бакалавръ академіи, потомъ цензоръ при
 министрѣ внутр. дѣлъ и публицистъ, издававшій и редакци-
 ровавшій газ. „Современныя извѣстія“. Въ 4-мъ же № помещался
 Василій Мих. Сперанскій, неутомимый труженикъ, ходившій на
 всѣ лекціи и послѣ обѣда; онъ кончилъ курсъ первымъ магистромъ,
 такъ какъ митр. Филаретъ не былъ доволенъ курсовымъ сочи-
 неніемъ Гилярова о необходимости воплощенія Сына Божія и
 приказалъ поставить его вторымъ. Здѣсь же жилъ В. М. Сперанскій,
 бывшій въ Москвѣ протоіереемъ и благочиннымъ. Въ 4-мъ
 № жили еще Василій Матв. Карелинъ, впоследствии епископъ
 Рижскій Веніаминъ, и Николай Аѳон. Барскій, впоследствии
 ректоръ Ярослав. семинаріи. Въ 3-мъ № старшимъ былъ Мих.
 Сим. Боголюбскій, родной братъ высокопр. Платона, архіеп.
 Костромского; жилъ тамъ еще Евг. Петр. Медиоланскій, въ мо-
 нашествѣ Григорій, бывш. епископомъ Пензенскимъ. Онъ былъ
 востромичъ и родственникъ знаменитому профессору философіи
 Ѳодору Александр. Голубинскому. Василій П. Нечаевъ былъ
 старшимъ въ 5-мъ №, и тутъ видѣлись мы съ нимъ нерѣдко.
 Былъ онъ большимъ любителемъ пѣніи, принималъ участіе въ
 академическомъ хорѣ, среди студентовъ онъ любилъ задать
 тонъ и что-нибудь спѣть. Онъ отличался необыкновеннымъ
 трудолюбіемъ и выдѣлялся изъ ихъ среды своими дарованіями.
 Много трудился онъ надъ своимъ курсовымъ сочиненіемъ
 „Св. Димитрій, митр. Ростовскій“. Василій П. основательно
 доказалъ, что святит. Христовъ, при составленіи своихъ
 четьи-миней, пользовался самыми надежными источниками, а
 не сказками, въ чемъ его упрекали иныя отрицательныя кри-
 тики. Это сочиненіе, какъ выдающееся по своимъ достоинствамъ,
 было отпечатано на казенный счетъ. Василій П. кончилъ курсъ
 третьимъ магистромъ, а М. С. Боголюбскій четвертымъ. Изъ
 нашего XVI курса пошли въ монахи, уже находясь на службѣ,
 и были епископами четверо: В. П. Нечаевъ, Мих. Вас. Левитовъ,
 Василій Матв. Карелинъ и Евл. П. Медиоланскій—всѣ магистры.
 По окончаніи курса ученія въ академіи, по желанію
 своему я получилъ назначеніе въ Лифляндію и былъ тамъ свя-
 щенникомъ и благочиннымъ сперва въ г. Вольмарѣ, потомъ въ
 Вендѣ. В. П. назначень былъ преподавателемъ сначала въ
 Тульской д. семинаріи, потомъ въ Вифанской и, наконецъ, въ
 Московской, изъ которой поступилъ священникомъ въ Николь-
 ской, что въ Толмачахъ, церкви за Московской рѣкой и сдѣлался

преемникомъ и затемъ прот. Потапова—родомъ костромича. Не помню, по какому случаю я сталъ переписываться съ Василіемъ П. Очень можетъ быть, что я сталъ писать ему, выписывая отъ него „Душеполезное Чтеніе“. Изъ писемъ ко мнѣ Василя П. я помню объ одномъ, которое дало мнѣ рѣшимость перейти изъ Рижской епархіи въ Костромскую. По случаю переселенія нѣсколькихъ моихъ прихожанъ-латышей въ Костром. епархію, я рѣшился написать объ нихъ преосвящ. Костр. Платону; въ письмѣ своемъ я упомянулъ, какія именно книги латышскія православныя можно выписать для православныхъ латышей. Владыка отвѣчалъ мнѣ очень любезно, но замѣтилъ, что латышамъ въ Костр. епархіи латышскія книги не нужны: пусть читаютъ русскія. Я вновь написалъ преосвященному, что переселившіеся латыши не станутъ читать русскія книги, и, если мы не дадимъ имъ книгъ православныхъ на латышскомъ языкѣ, они станутъ читать лютеранскія книги, а это для нихъ будетъ вредно. Тѣмъ и кончилась моя переписка съ преосвящ. Костромскимъ. Но послѣ этой переписки я получилъ письмо отъ секретаря Костр. д. консисторіи С. И. Ширскаго; отъ лица преосвящ. Платона онъ предложилъ мнѣ перейти изъ Рижской епархіи въ Костромскую и занять мѣсто каедр. протоіерея, которое скоро будетъ праздно, такъ какъ бывший тогда каедр. протоіереемъ о. Мартинъ Боневоленскій подалъ прошеніе о постриженіи его въ монахи. Письмо это поставило меня въ большое затрудненіе. Уроженецъ Костр. епархіи и воспитанникъ Костр. д. училища и семинаріи, я привыкъ смотрѣть на каждого соборнаго священника съ уваженіемъ и вдругъ меня самого приглашаютъ стать во главѣ этихъ священниковъ. Правда, по письму С. И. Ширскаго, жалованье соборный причтъ получалъ малое и доходы въ соборѣ небольшіе, но онъ мнѣ обѣщалъ еще мѣсто учителя въ преобразуемой семинаріи съ жалованьемъ въ 900 р. Но въ Лифляндіи я прослужилъ 18 лѣтъ, изучилъ латышскій языкъ, отправлялъ на немъ богослуженіе и произносилъ проповѣди и даже изустныя рѣчи, написалъ и издалъ въ свѣтъ на латышскомъ языкѣ пять сочиненій, изъ которыхъ одно—полный катехизисъ для новообращенныхъ изъ лютеранства православ. латышей. Здѣсь, думалъ я, я приношу пользу св. церкви. Не грѣхъ ли мнѣ будетъ оставить этотъ край? Правда, у меня тогда была уже большая семья: восемь чел. дѣтей, изъ которыхъ четверо учились уже въ школѣ, жизнь въ Лифляндіи была очень дорога, а я получалъ всего около 1000 р. Но достойно ли служителя св. церкви оставлять полезную службу изъ-за матеріальныхъ выгодъ? И вотъ о своихъ недоумѣніяхъ писалъ я и управлявшему тогда Рижской епархіей викарію Рижскому Веніамину, моему товарищу по академіи, Карелину, и В. П. Не-

чаеву, которымъ объяснилъ и свое стѣснительное положеніе въ содержаніи большого семейства. Преосвящ. Веніаминъ совѣтовалъ мнѣ перейти въ Кострому, такъ какъ мнѣ тамъ будетъ лучше и спокойнѣе. Знаю, думалъ я, что мнѣ въ Костромѣ будетъ лучше и покойнѣе, но какъ я оправдаю себя предъ Богомъ, когда убѣгу отъ трудовъ для пользы св. церкви? И ждалъ я еще отвѣта отъ В. П. Нечаева. Отвѣта долго не было, и я рѣшился отказаться отъ Костромского мѣста и написалъ С. И. Ширскому, что я не желаю оставить службу въ Рижской епархіи, гдѣ уже прослужилъ 18 лѣтъ. Письмо свое я послалъ уже на почту, какъ вдругъ получаю отвѣтъ отъ Василя П. Въ письмѣ своемъ онъ прямо убѣждаетъ перейти въ Кострому. „Такъ развѣ вы перестанете въ Костромѣ служить усердно св. церкви? Вспомните еще, писалъ В. П., что апостоль строго осуждаетъ тѣхъ родителей, которые мало заботятся о своихъ дѣтяхъ“. Это письмо убѣдило меня и заставило рѣшиться перейти въ Костр. епархію, и я послалъ за своимъ письмомъ въ почтовую контору. Оно было мнѣ возвращено, и я написалъ другое письмо съ извѣщеніемъ согласія на переходъ въ Кострому, а потомъ послалъ Костр. владыкѣ прошеніе о принятіи меня въ Костр. епархію. 2 авг. 1867 г. резолюціей архиепископа я опредѣленъ каедр. протоіереемъ.

(до слѣд. №.).

Епархіальная хроника.

— 21-го октября настоящаго года въ приходѣ Предтеченской-Печерской церкви г. Юрьевца праздновалось 250-лѣтіе сооружеія юрьевчанами въ 1655 г. обыденной Печерской церкви. Въ 1653, 1654 и 1655 гг., при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и патриархѣ Никонѣ, какъ извѣстно изъ исторіи, была, какъ говорить лѣтописецъ, грѣхъ ради нашихъ, богопосланная смертоносная язва. Не буду говорить о другихъ мѣстахъ свято-русской земли,—скажу только, что въ Юрьевцѣ въ два первыхъ года, померло отъ этой язвы до 1700 человекъ: многіе дома вымерли начисто, многія церкви стояли, за смертію служителей, безъ пѣнія; многіе тогда не сподобились предъ смертію и напутствія св. тайнъ; умершихъ погребали уже не въ гробахъ, не въ могилахъ, а вырывали просто ямы или рвы и въ эти рвы, обвязуяще вретницами, безъ плача, а иногда безъ молитвы клали мертвецовъ цѣлыми кучами и покрывали землю. Люди ходили какъ сонные, были какъ тѣни; „сребро и злато ни во что же вмѣняшеса“. Такъ прошло два года; оставшіеся въ живыхъ священники и монахи и мірскіе люди, не видя ниоткуда помощи, сотворили благъ совѣтъ и послали благоговѣйнаго мужа соборнаго іерея Елисея, и съ нимъ нѣсколько лицъ отъ духовнаго и мірскаго чина въ Нижній-Новгородъ за чудотворной иконой Печерскою, въ Нижегородскій Печерскій монастырь. Съ крѣпкимъ слезнымъ моле-

всякое знаніе обявлено „мѣщанствомъ“. Это показываетъ корреспонденція изъ Берлина, помѣщенная въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ (№ 288). Когда русскій корреспондентъ этой газеты похвалилъ одного иностранца, за то, что тотъ, обладая большимъ богатствомъ, сдѣлалъ много для дѣла просвѣщенія и культуры, то ему было отвѣчено въ социаль-демократической газетѣ „Пролетарій“, что „быть благодарнымъ хорошему человѣку за цѣлую жизнь, посвященную наукѣ и добру—признакъ мѣщанства“. Родители, собравшіеся на совѣщаніе въ Григоровскую жен. гимназію, высказавшіе свое нежеланіе, чтобы ученицы вообще занимались политикой, получили чуть ли не отъ самихъ своихъ дѣтей порицаніе за то, что „не досрости“ до пониманія современныхъ событій. И не удивительно: до такого „пониманія“ досрости можно, при извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, только не скоро. Новый органъ социалистической партіи „Московская газета“, недавно появившійся*), тоже торжественно возвѣстилъ „полное презрѣніе“ наукѣ. Интересъ социализма не въ умственномъ прогрессѣ, а въ узкихъ матеріальныхъ и экономическихъ задачахъ. Его интересы — интересы желудка.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнихъ волненіяхъ учащейся молодежи надобно отдѣлать, и какъ можно скорѣе, то, что вызвано несовершенствомъ и недостатками школы, отъ того, что вызвано вліяніемъ политическихъ партій. Первую причину надобно скорѣе устранить основательной и хорошей реформой школы, а послѣднюю подавить средствами власти и закона.

Z. Z.

Воспоминанія о Костромскомъ Преосвященномъ Виссаріонѣ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ собрались мы съ женой въ Сергіевскую лавру и Москву. Въ лаврѣ помолились преп. Сергію и были у незабвеннаго ректора Москов. академіи прот. А. В. Горскаго—костромича, сына одного изъ моихъ предшественниковъ—кафедр. протоіерея. Принялъ онъ насъ, своихъ земляковъ, очень ласково. На другой день по приѣздѣ въ Москву я поспѣшилъ къ Василю П., съ которымъ не видался около 25-ти лѣтъ „Здравствуйте, Василій Петровичъ“, говорю, когда онъ вышелъ ко мнѣ. „Конечно, не узнали меня?“ спрашиваю его. „Иванъ Григоріевичъ“, отвѣчаетъ онъ мнѣ. Я удивился, что онъ сразу узналъ меня. Самъ я никакъ не узналъ-бы его, если-бы не пришелъ въ его квартиру. Студентомъ былъ онъ довольно худой съ продолгова-

*) Въ послѣднее время особенно много появилось у насъ самыхъ крайнихъ социалистическихъ газетъ. Въ этомъ мы далеко превзошли западную Европу.

тымъ лицомъ, теперь онъ пополнилъ и сильно измѣнился въ лицѣ. Узналъ онъ меня, оказывается, только по голосу. Съ полнымъ радушіемъ товарища принялъ онъ меня. Узнавъ, что я пріѣхалъ въ Москву съ женою и дочерью, онъ пригласилъ насъ на другой день къ обѣду. Мы воспользовались этимъ приглашеніемъ и пробыли у него до вечера, познакомились и съ его семействомъ, вспомнили объ академіи, о товарищахъ, о моей службѣ въ Костромѣ, о высокопреосв. митроп. Филаретѣ и его посѣщеніяхъ академіи и особенно публичные экзамены. Вспомнили, какъ я осрамился на экзаменѣ, производя назначенный мѣъ по физикѣ опытъ съ электричествомъ. Сталъ я добывать его при помощи электрической машины, но электричества не скоплялось; времени прошло довольно, а опыта у меня не выходило. Митрополитъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе и спрашиваетъ меня: „Чтоже опытъ“? Я отвѣчаю, что машина не дѣйствуетъ. „Да почему-же она не дѣйствуетъ“? спрашиваетъ онъ. „Безъ сомнѣнія, потому“, отвѣчаю я, „что въ залѣ сгустился воздухъ, получилась влажность, и электричество, не накопляясь въ машинѣ, уходитъ въ воздухъ. Митрополитъ всталъ и экзаменъ кончился моимъ неудавшимся опытомъ. Вспомнили мы и такой случай. Когда мы были еще на младшемъ курсѣ и спальни наши не были отдѣлены отъ занятыхъ комнатъ, предъ лѣтними каникулами намъ объявили, что комнаты наши будутъ осматривать самъ митрополитъ, и намъ велѣно было отпереть ящики комодовъ. Приходить владыка и въ нашу комнату. Мы поклонились, стоя каждый у своего стола, близь своей койки. Съ митрополитомъ пришло и все академическое начальство и секретарь правленія Егоръ Вас. Амфитеатровъ. Подойдя къ комоду, Владыка велѣлъ открыть ближайшій къ нему мой ящикъ и, указавши на глиняную баночку, стоящую вверхъ дномъ, спросилъ: „Что это такое“? Егоръ В. поднялъ баночку, понюхалъ и сказалъ: „Это помада“. Владыка спросилъ инспектора: „Часто-ли у студентовъ бываетъ баня?“ — „Черезъ двѣ недѣли“, отвѣчалъ инспекторъ. „А съ помадой надо ходить въ баню каждую недѣлю“, замѣтилъ архипастырь. Потомъ владыка пошелъ внутрь комнаты къ нашему круглому, довольно большому, столу. Близъ стола стоялъ шкафъ для книгъ. Владыка велѣлъ отворить его и къ ужасу нашему, увидѣлъ тамъ двѣ бутылки. Не думая, что митрополитъ будетъ осматривать шкафъ, мы не догадались убрать бутылки. „Чьи это бутылки?“ спрашиваетъ владыка. Всѣ мы молчимъ, да большая часть изъ насъ даже и не знала, откуда въ шкафъ появились бутылки. „Чьи же это бутылки?“ вновь спрашиваетъ владыка. „Одна бутылка моя“, отвѣчалъ студентъ ярославецъ, сколько помню, Смирновъ, очень слабого

здоровья, скончавшейся до окончания курса. „На что она тебя понадобилась?“ допрашивает владыка. „Я покупалъ деревяннаго масла.“ — „А зачемъ тебя нужно было деревянное масло?“ „Имъ я лечилъ себя голову“ — „Да по какой методѣ ты лечилъ голову деревяннымъ масломъ?“ — „На головѣ у меня были коросты и я деревяннымъ масломъ размачивалъ ихъ и мнѣ было легче,“ объяснилъ студентъ. „А другая чья бутылка?“ спросилъ митрополитъ. Никто изъ насъ не отвѣчалъ на его вопросъ. Владыка такъ и ушелъ, не добившись отъ насъ, чья это бутылка. Но намъ еще предстояло отвѣтить за соблазнительную бутылку предъ инспекторомъ, и два студента, нюхавшіе табакъ, отправились къ инспектору, чтобы объяснить ему, что они хранили въ бутылкѣ нюхательный табакъ, а владыкѣ боялись признаться въ своей непохвальной привычкѣ. При этомъ же свиданіи со мной Василий П. просилъ меня присылать статьи для помѣщенія въ издаваемомъ имъ журналѣ „Душеполезное чтеніе,“ что я и исполнялъ, когда освободился отъ уроковъ въ семинаріи. Въ концѣ 80 хъ годовъ скончалась супруга Василия П., и онъ принялъ монашество и былъ рукоположенъ митроп. Иоанниціемъ, его землякомъ, во епископа, перваго Московскаго викарія. Вскорѣ послѣ этого мнѣ нужно было по дѣламъ собора съ соборнымъ старостою быть въ Москвѣ. По приѣздѣ въ Москву я узналъ, что скончался архіеп. Литовскій Алексій и что преосвящ. Виссаріонъ, которому я хотѣлъ представиться, служить въ Чудовомъ монастырѣ заупокойную литургію по скончавшемся своемъ предшественникѣ, — первомъ викаріи Московскомъ. Я пошелъ туда и, по окончаніи литургіи, подошелъ къ благословенію владыки. Онъ меня не узналъ, но когда я назвалъ себя и спросилъ о времени, когда мнѣ явиться къ нему, пригласилъ меня къ себѣ сейчасъ же ѣхать съ нимъ въ Богоявленскій монастырь на Никольской улицѣ. Не какъ владыка, а какъ дорогой товарищъ, принялъ онъ меня въ своихъ настоятельскихъ покояхъ и угостилъ меня не только чаемъ, но и обѣдомъ. „Спасибо вамъ,“ говорилъ владыка, что вы посѣтили меня, а вотъ иные товарищи и бываютъ въ Москвѣ, а ко мнѣ и не заглядываютъ, и даже назвалъ нѣкоторыхъ по имени. Когда рѣчь зашла о скончавшемся архіепископѣ Литовскомъ и владыка спросилъ меня, кто, по моему мнѣнію, будетъ на его мѣстѣ, я отвѣтилъ: „Кому-же и быть, какъ не первому викарію Московскому? Вѣдь я преосв. Алексій былъ первымъ викаріемъ Московскимъ.“ — „Куда мнѣ въ Вильно“, сказалъ Владыка: „вотъ если бы меня назначили въ Кострому, и то было-бы хорошо.“ „Такъ что-же?“ говорю — „пожалуйте, я васъ встрѣчу рѣчью.“ — „А и вамъ отвѣчу на нее“, сказалъ Владыка. Преосв. Августинъ

прѣздомъ въ Кострому писалъ мнѣ, чтобы при его встрѣчѣ никакихъ рѣчей не было говорено ему. Время до обѣда прошло въ пріятной бесѣдѣ съ добрымъ владыкою. Послѣ обѣда я былъ приглашенъ обѣдать и на слѣдующій день; отказать отъ этого любезнаго приглашенія я не могъ. Распростившись съ преосвященнымъ, я посѣтилъ другого своего товарища — о. протоіерея М. С. Боголюбскаго, настоятеля Зачатіевской церкви, который тоже очень ласково меня пріялъ и подарилъ мнѣ свой замѣчательный трудъ: „Объясненіе Псалтири“. Онъ много трудился надъ исправленіемъ славянскаго текста Псалтири, такъ часто употребляемой при богослуженіи въ правосл. церкви, и на одномъ экземплярѣ Псалтири собственноручно сдѣлалъ надпись, какъ ея текстъ исправить. По возвращеніи моемъ изъ поѣздки въ Москву, я получилъ отъ преосв. Виссаріона письмо, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что былъ у него всероссійскій наблюдатель ц.-пр. школъ В. И. Шемякинъ и просилъ передать Московскимъ священникамъ, не согласится ли кто изъ нихъ составить книжку лютеранствѣ для школъ въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ много штундистовъ. Книга эта должна быть написана понятно для учениковъ и предостеречь ихъ отъ совращенія въ штунду. „Да развѣ у васъ въ Петербургѣ нѣтъ ученыхъ священниковъ, которые могли бы составить для васъ такое сочиненіе?“ — спрашивалъ владыка Шемякина. — „Какъ не быть“, отвѣтилъ тотъ, „но они заняты другими дѣлами и отказались отъ этого труда.“ „Потрудитесь ужъ владыка найти кого нибудь изъ Московскихъ священниковъ во вашему усмотрѣнію.“ Но владыка указалъ г. Шемякину на меня и присоветовалъ, что я довольно времени прослужилъ въ Лифляндіи среди лютеранъ и знакомъ хорошо съ лютеранствомъ. Г. Шемякинъ согласился съ указаніемъ владыки и просилъ его предложить мнѣ написать это сочиненіе, описавъ этотъ разговоръ. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ владыка совѣтовалъ мнѣ не отказываться отъ предложенія г. Шемякина. Я съ согласіемъ на сдѣланное мнѣ предложеніе и составилъ книжку: „О превосходствѣ православія надъ лютеранствомъ.“ Книжка эта была отпечатана братствомъ Пр. Богородицы въ Петербургѣ и скоро разошлась, такъ какъ была очень дешева. Въ декабрѣ 1891 г., вернувшись изъ какого-то собранія, мои дѣти сообщили мнѣ слухъ, что на мѣсто перемѣщеннаго въ Екатеринославль преосв. Августина въ Кострому назначается преосвящ. Виссаріонъ, первый викарій Московскій. Слухъ этотъ оправдался. Дѣйствительно, 10 декабря высочайше назначенъ на Костромскую кафедру епископъ Дмитровскій преосв. Виссаріонъ. Я искренно порадовался этому назначенію и вспомнилъ слова

владыки: „вотъ если бы меня назначили въ Кострому, это было бы хорошо“. Вся моя семья радовалась, что къ намъ прибудетъ новый архипастырь, мой товарищъ по академіи, ласковое обращеніе котораго нѣкоторые изъ моихъ дѣтей уже испытали на себѣ.

Протоіерей *Іоаннъ Постыловъ*.

По поводу сужденій Костром. епарх. съезда о духовной школѣ.

Оо. депутаты Костромскаго епархіальнаго съезда минувшей сессіи, между прочимъ, выразили свои сужденія по вопросу о духовной школѣ, а равно и свои пожеланія въ отношеніи этого предмета. Приступая къ обсужденію этого вопроса, они заявили, правда, о своей некомпетентности въ этомъ вопросѣ, а все-таки твердо, настойчиво, безусловно выразили какъ порицаніе существующей школѣ, такъ и свои требованія относительно будущаго этой школы.

Согласно резолюціи Его Пресвященства, журналъ (№ 5) съезда, излагающій разсужденія оо. депутатовъ съезда, должны обсудить правленія семинаріи и духовныхъ училищъ, и скороспѣлыя сужденія оо. депутатовъ найдутъ себѣ, вѣроятно, подробную, должную оцѣнку. Въ настоящей замѣткѣ мы отмѣтимъ только то, что сразу бьетъ въ глаза и чего не замѣтитъ духовнымъ отцамъ помѣшало развѣ только малое знакомство съ предметомъ, или крайняя предвзятость мыслей.

Оо. депутаты вмѣстѣ съ своими сынками и братцами, учащимися въ семинаріи, оказывается, заглядывали въ школы „иного типа“ и отдають предпочтеніе школамъ съ „иной постановкой“, послѣ чего у нихъ вызывается нелюбовь и даже отвращеніе къ своей школѣ. „Кромѣ того (говорится въ журналѣ № 5-й) это различіе между школами вызываетъ нежелательное сравненіе учащимися школъ разныхъ типовъ, при чемъ ими нерѣдко отдается предпочтеніе школѣ съ иной постановкой и вызываетъ нелюбовь и даже отвращеніе къ своей школѣ“. Хотя изъ этого мѣста и не видно, учащіеся какихъ школъ недовольны своей школой и завидуютъ другимъ, но это ужъ понятно само собою, потому что выше говорилось о томъ, что „само духовенство предпочитаетъ, если находитъ возможность, отдавать своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія“ и что „духовенство требуетъ уравниенія въ программахъ нашихъ семинарій съ программами другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, для болѣе удобнаго перехода учениковъ семинарій въ гимназіи.“